

ГЛАВА I

Голодный волк и черная роза

Король Каваноса Среф наблюдает за мной стылым взглядом ворона, кружащего над трупом, — неусыпно, будто готов сожрать в тот же миг, как я потеряю бдительность. Я подумываю сообщить ему, что люди не особо хороши на вкус, но вспоминаю, что нормальные девушки не едят человечину. И не проникают обманом в королевские дворы.

«Нормальные, — говорю себе. — Целиком и полностью нормальные. Строй глазки. Смейся как пустоголовая дурочка. Какой еще чепухой, во имя зубов Старого Бога, занимаются нормальные девушки, а?»

Остальным лучше знать. Нас трое — три девицы в кремово-розовых платьях, преклонившие колени перед тронном короля Срефа. Наши лица скрыты вуалями.

Я бы спросила у них, но мы слишком заняты: тонем в дорогих кружевах и внимании раззолоченных знатных особ. Ну, две другие заняты. Я же скорее внутренне уххатываюсь над тем, как они манерничают и картинно склоняют свои чудесные головки.

«Старайся затмить соседку» — этой игре матери учат их с рождения.

Моя вот научила меня только умирать.

— Все вы прекрасны, словно розовые бутоны, — наконец говорит король. На его лице приятный отпечаток возраста, сеть благородных морщин разбегается вокруг глаз цвета стали. Но глаза эти не улыбаются: верный признак, что он искренен лишь наполовину. Он стар, он могущественен, и ему скучно — самое опасное сочетание, которое только можно представить.

— Спасибо, ваше величество, — синхронно отвечают девушки, и я тут же присоединяюсь.

Про себя я зову их Прелесь и Грация.

Прелесь и Грация не отваживаются смотреть куда-то, кроме мраморного пола, в то время как мой взгляд так и блуждает по дорогим шелковым нарядам придворных или золотым змеям, вырезанным на величественных каменных колоннах. Три года, проведенные в лесу в услужении у ведьмы, заставляют жадно вглядываться в любую мелочь, отличную от деревьев и оленьего помета. Я побаиваюсь поднимать голову слишком высоко, не хочется привлекать к себе внимание, так что мне остается лицезреть лишь ноги королевы Колиссы и ее сына.

Кронпринц Люсьен д'Малвейн, эрцгерцог Толмаунт-Килстеды, Огнерожденный, Черный Орел — у принца с десятков имен, одно напыщеннее другого.

Если я чему и научилась в свой первый день при дворе — так это тому, что чем больше у кого-то имен, тем меньше у него реальных заслуг.

Я пока не видела ничего, кроме носков его обуви, но уже знаю, что голова у принца совершенно пустая.

И скоро, если у меня все получится, он лишится еще и сердца.

— Приветствую вас, новейшее пополнение нашего блистательного двора, — гремит голос короля Срефа: сплошь помпезность, лишённая искренности.

— Спасибо, ваше величество, — отвечают Прелесть и Грация, и я эхом повторяю за ними. Вживаюсь в роль — всего-то и нужно, что постоянно всех благодарить и казаться милой. В конце концов, проникнуть во дворец, оказывается, не так уж и сложно.

Вслед за королем медовым голосом заливается королева Колисса:

— Надеюсь, вы преумножите славу ваших семей и не предадите идеалы нашего великого народа.

— Спасибо, ваше величество, — отзываемся мы.

Я слышу, как королева что-то шепчет. Ей мягко отвечает глубокий голос, и она чуть повышает тон — так, что это слышно лишь нам троим, преклонившим колени у подножия трона.

— Люсьен, пожалуйста, скажи что-нибудь.

— Это не имеет смысла, мама, а я стараюсь избегать бессмысленных действий.

— Люсьен...

— Ты знаешь, как я ненавижу эту устаревшую церемонию. Посмотри на них — они здесь только ради своих семей. Ни одна девушка в здравом уме не подвергнет себя такому унижению. — Голос принца сочится темным ядом, и я вздрагиваю. Уж слишком это отличается от совершенно безэмоционального тона его отца и приторно-сладкого —

матери. Вельможи в большинстве своем привыкли сдерживать порывы, но за внешним фасадом принца кипят эмоции. И он еще не научился их скрывать.

— Это традиция, — настаивает королева. — Сейчас же скажи им что-нибудь или, да поможет мне...

Мы слышим, как ножки стула скрипят по мрамору, и принц приказывает нам:

— Встаньте.

Две барышни грациозно, словно лебеди, приподнимают юбки и встают. Я, глотая проклятия, делаю то же самое и едва не падаю в своей нарядной обуви. Себе из прошлого на заметку: четырех дней подготовки недостаточно для того, чтобы научить кого-то ходить в расшитых лентами смертельных ловушках. Как Прелесть и Грация делают это столь непринужденно, выше моего понимания, а вот румянец на их щеках понять можно.

Я поднимаю глаза на принца, который стоит на верхней ступени прямо перед нами. Возвышение ни к чему, и без того видно, что он высок. Мощный торс воина облачен в серебро, широкие плечи укрыты бархатом. Старше меня — моих вечных шестнадцати — на год? Нет, возможно, на два или около того; об этом говорят рельефные мышцы. Теперь понятно, почему принца называют Черным Орлом: его волосы темнее воронова крыла, возле лица они свободно ниспадают прядями, а сзади собраны в длинную черную косу. Лицо у него в точности как у отца в пору расцвета: гордый ястребиный нос и высокие, надменные скулы. Кожа тоже отцовская, цвета темного дуба, а вот глаза как у матери — пронизывающие, стального

цвета, острые, словно клинок. Он весь — сплошная гордость и тьма, и я ненавижу его всеми фибрами души — ненавижу сам факт того, что некто, наследующий такую власть и богатство, столь прекрасен. Я бы предпочла видеть его горбатым и в бородавках. С безвольным подбородком и водянистыми глазками. Но мир несправедлив, увы. Я усвоила это в день, когда убили моих родителей.

В день, когда я превратилась в монстра.

У девушек рядом со мной чуть ли не слюнки текут, но я изо всех сил стараюсь сохранять скупающий вид. По пути сюда мне попадались куда более симпатичные парни. Десятки. Сотни. Ну ладно, хорошо, — на самом деле только один, и он позировал живописцу в квартале художников, но все это неважно, поскольку следующее насмешливое заявление принца Люсьена начисто стирает из моих мыслей сам факт его привлекательности.

— Леди — это не просто украшение, — рокошет он, точно гром среди ясного неба. — Она мать будущих поколений, наставница наших потомков. Леди, конечно, приличествует иметь мозг — где-то между ушей, как и у всех остальных, но что есть красота без предназначения? Все равно что цветы в вазе, которые увянут и будут выброшены прочь.

В книге, составленной умнейшими учеными, я читала, что планета круглая, что она вращается вокруг солнца и что на востоке и западе, в самых холодных областях, располагаются магнитные полюса. В подобное я могу поверить. Но никак не в существование кого-то *настолько* высокомерного.

Придворные тихонько посмеиваются между собой, но стоит королю Срефу поднять руку, смешки тут же стихают.

— Это Весенние Невесты, мой принц, — говорит король терпеливо. — Они знатного рода. Они много учились и практиковались, чтобы оказаться здесь. И они заслуживают большего уважения.

«*Кое-кого отругали*», — напеваю я про себя. Принц Люсьен окидывает короля пронизывающим взглядом.

— Конечно, ваше величество. — Презрение, с которым он произносит «ваше величество», очевидно.

«*Считай себя счастливым, принц, — думаю я. — В этом жестоком мире у тебя хотя бы есть отец*».

— Однако, — принц поворачивается к придворным, — слишком часто мы приравниваем знатность происхождения к здравомыслию и благоразумию.

Его глаза обводят комнату, и в этот раз вельможи молчат. Шарканье ног и покашливания демонстрируют крайнее неудовольствие. Пусть я здесь недавно, но его позиция мне знакома. Точно так же ведет себя молодой лесной волк со старшими; принц бросает вызов знати, и по победившим костяшкам пальцев короля и полному ужаса взгляду королевы я понимаю, что он затеял опасную игру.

— Давайте же поприветствуем Весенних Невест так, как это делали короли во времена Старого Бога. — Принц простирает руки. — Оценив их нрав.

Придворные возмущенно перешептываются. Тяжело не заметить серебряные полукружия

с тремя продетыми сквозь них спицами, если они на каждом здании в городе; здесь, в Ветрисе, царит Новый Бог, Кавар. Пасмурная война во славу Кавара велась тридцать лет назад, и последователи Старого Бога были истреблены или изгнаны из Ветриса. Его изваяния низвергнуты, а храмы разрушены. Ныне поддерживать традиции Старого Бога равносильно смертному приговору. Король это понимает — и мгновенно прикрывает сына.

— Властители тех времен заблуждались, однако они заложили основы процветания этой страны. Дороги, стены, дамбы — все это было построено королями древности. Стереть их с лица земли было бы преступлением против истории, против истины. Позвольте вспомнить одну старую традицию здесь, сегодня, и с достоинством почтить память былых времен.

Ловко выкрутился. Чтобы понять это, не обязательно быть мудрецом. Принц Люсьен выглядит раздраженным попыткой отца успокоить придворных, но скрывает это и снова поворачивается к нам троим.

— Ответьте на вопрос в меру своих возможностей, как только поднимете вуали. Какова цена королю?

Повисает долгая пауза. Я почти слышу, как натужно скрипят мозги у девушек рядом со мной. Придворные перешептываются друг с другом, и хихикают, и поглядывают в нашу сторону, приподняв брови. Ценность короля неизмерима. Сказать нечто иное было бы безумием. От гнетущей смеси веселья и презрения, витающей в воздухе, у меня по коже бегут мурашки.

В конце концов Прелесть поднимает вуаль и откашливается.

— Цена королю — миллион — нет! — триллион золотых монет. Нет — семь триллионов! — Смех придворных становится громче. Прелесть краснеет, как свекла. — Простите, ваше величество. Мой отец никогда не учил меня счету. Только шитью и прочему.

Король добродушно улыбается.

— Все в порядке. Это был очаровательный ответ.

Принц молча указывает на Грацию. Судя по лицу, он явно не впечатлен.

Она делает реверанс и поднимает вуаль.

— Ценность короля невозможно измерить, — чеканит девушка. — Она словно самая высокая горная вершина Толмаунт-Килстеды и так же широка, как Бескрайние болота на юге. Ценность короля глубже темноты на дне Бурлящего Океана.

В этот раз придворные не смеются. Кто-то начинает негромко аплодировать, остальные подхватывают.

— Очень красноречиво, — говорит король. Девушка, очевидно довольная собой, вновь приседает в реверансе и с надеждой смотрит на принца Люсьена. Но он лишь сильнее морщится.

— Теперь ты, недотепа. — Принц наконец указывает на меня. — Что скажешь?

Его оскорбление жалит, но всего на мгновение. Конечно, я нескладная по сравнению с ним. Как и все остальные. Полагаю, единственный, кто не кажется принцу нескладным, смотрит на него из отражения в зеркале.

Я выдерживаю его взгляд, обжигающий кожу, точно солнечные лучи. Его презрение ко мне,

к стоящим рядом девушкам, ко всем знатным особам в этом зале ощутимо. Он ничего не ждет от меня, впрочем, как и от остальных, — я вижу, как в миг, когда я открываю рот, глаза его затуманивает отвращение.

Он не ожидает ничего выдающегося. Значит, я должна измыслить нечто особенное.

Я медленно поднимаю вуаль и произношу:

— Цена королю — одна картофелина.

Воцаряется тишина, а затем волна шока прокатывается по залу, звучат вздохи и возмущенные шепотки. Стражники-келеоны, бешено виляя хвостами, стискивают свои алебарды и щурят глаза, напоминающие кошачьи. Любой из них способен разорвать меня пополам, словно лист бумаги, вот только это не убьет меня. Лишь выдаст как Бессердечную — прислужницу ведьмы — всему королевскому двору, а это куда хуже, чем выпущенные кишки. Ведьмы верят в Старого Бога и воевали против людей в Пасмурной войне. Мы враги.

Я враг, надевший личину знатной барышни, только что оскорбившей короля в глупой надежде привлечь внимание принца.

Королева прижимает платок к груди, явно задетая моими словами. Король приподнимает бровь. Принц, наоборот, улыбается. Сперва улыбка прячется в уголках его рта, но через миг все его лицо озаряет веселье. «Он симпатичный, — мысленно отмечаю я, — вполне приятный, когда не ведет себя как собачье дерьмо». Он прочищает горло, снова овладев собой.

— Ты продолжишь или мне прямо здесь и сейчас бросить тебя в подземелье за попытку очернить достоинство короля?

Келеон делает шаг вперед, и мое отсутствующее сердце сжимается. Как по мне, идея заключить меня в темницу чересчур радует принца. Я поднимаю подбородок, стараясь держаться прямо и казаться спокойной. Сильной. Я произведу впечатление или буду убита за слишком длинный язык. Все просто.

На самом деле совсем не просто.

Потому что я не могу умереть.

Потому что в отличие от девиц рядом, я здесь не для того, чтобы произвести впечатление на короля, или выйти замуж за особу королевской крови, или обеспечить место при дворе своему отцу.

Я здесь ради сердца принца Люсьена.

Буквально, не фигурально. Хотя фигурально было бы проще, не правда ли? Заставить парня влюбиться легко, судя по тому немногому, что мне запомнилось из прежней человеческой жизни, — всего-то и нужно, что комплименты, потупленные глазки и платье с глубоким вырезом, возможно, пяток платьев — и вот уже они податливы, как глина. Но я здесь ради того, что бьется у него в груди, и я добуду его сердце, хитростью или силой. Но чтобы подобраться так близко, мне нужно завоевать его доверие.

Принц привык к идиотам и подхалимам. Я должна дать ему противоположное. Быть особенной. Алмазным клинком пронзить плоть его скучной аристократической жизни.

— Для большинства жителей этой страны, для простого люда, — с нажимом продолжаю я, — одна картофелина олицетворяет разницу между голодной смертью зимой и возможностью дожить до весны. Одна-единственная картофелина означает

жизнь. Одна картофелина может стать спасительной благодатью. Для людей короля, живущих в его деревнях, в его королевстве нет ничего драгоценнее одной картофелины.

Шепотки в зале стихают, на лицах знатных господ проступает смущение. Они не представляют, что значит умирать от голода, я уверена. А вот я знаю, каково это, не понаслышке.

Я вновь встречаюсь глазами с принцем. Он тоже смущен, но по-другому. Принц смотрит на меня так, словно никогда не встречал никого подобного. Словно я какой-то необычный образец, хранившийся в прохладном погребе для дальнейших научных изысканий. В его взгляде больше нет скуки, лишь крайнее изумление. Мне следовало бы отвести глаза, принять скромный или смущенный вид, но я этого не делаю. Я говорю глазами те слова, которые не могу произнести вслух.

«Я не цветок, который можно сорвать по твоей прихоти, злой волк. Я гончая, готовая к охоте. Я Бессердечная, одно из тех созданий, при виде которых твои люди бежали в страхе тридцать лет назад».

Я позволяю себе ухмыльнуться — едва заметной голодной усмешкой.

«Если бы тебе хватало мозгов, ты бы тоже бежал».

Королева улыбается, сжимая руку короля, и тот смеется. Совсем не слабо или сдержанно, в его смехе клокочет безудержное веселье. Он мне улыбается и в этот миг выглядит лет на десять моложе.

— Как тебя зовут, маленькая смышленная Невеста?

«Зера, — мысленно отвечаю я. — Просто Зера, дочь пары торговцев, чьи лица я уже начинаю

забывать. Сирота, воровка, любительница плохих романов и хороших пирогов, послушная раба ведьмы Ноктюрны, отправившей меня сюда, чтобы вырвать сердце из груди вашего сына».

Вместо этого я приседаю в неуклюжем реверансе и с улыбкой лгу:

— Зера Й'шеннрия, ваше величество. Племянница Куин Й'шеннрии, леди дома Й'шеннрия и Рейвеншаунта. Благодарю, что приняли меня сегодня.

«Благодарю и прошу прощения. Насколько на это способно чудовище».

Пятью днями ранее

В меня всадили нож.

Не то чтобы меня можно было этим удивить, но...

— Зубы Кавара! — клянусь я Нового Бога и завожу руку за спину, чтобы нащупать рукоятку кинжала. — Это мое любимое платье.

Вот так спокойно возвращаешься домой, выбрав лесную тропку, и в следующую секунду тебя закалывают, точно деревенскую свинью. Будь у меня дневник, записала бы в него, что вечер удался.

Стройный незнакомец, проткнувший меня, стоит рядом, скрыв лицо и фигуру под темным плащом с капюшоном. Я понятия не имею, кто он, — но он двигался намного быстрее человека и слишком высок для представителя одной из бледных подземных рас. Извивающийся голубой хвост, увенчанный кисточкой, — вот и неопровержимое доказательство, что передо мной ассасин-